

БОЛЬ ЗА АРМИЮ

*Дарченков Владимир Юрьевич,
родился 29.05.1960
в Тверской области.*

Лучше бы я не заводил разговора с Володькой Дарченковым о нынешней армии. Сколько боли, сколько страдания в голосе, будто не армию, а его самого втоптывают в грязь, опускают ниже самого нижнего плинтуса, будто без наркоза режут его израненное тело и еще более израненную душу.

— Не знаю, что будет дальше, но хотя бы сейчас спохватились и начали — пока, правда, на бумаге — возродить ДОСААФ нашего детства.— Владимир Юрьевич Дарченков, полковник запаса, всего две недели как постигает азы новой для него работы: подготовки допризывников.

— Ты только подумай, что творится? — его возмущению нет предела.— В роте оставили одну офицерскую должность — ротного командира. Уйди ротный в отпуск, заболел, в конце концов,— кто будет управлять войсками? Прапора, которые дослуживают последние дни, скоро исчезнут из армии, как классовый враг, и что дальше?..

— В моей бывшей «епархии» и того хуже.— Скребут, скребут и у меня кошки на сердце, болит оно, окаянное, за то, чему отдал свои лучшие четверть века.— Представляешь, эпидемиолог дивизии и старшелейтенантская должность? Какой командир полка будет к его доводам прислушиваться?

— А командиры полков, думаешь, лучше? Рассказывали мне недавно про одного. Сидит пьяный с утра в кабинете, начальник штаба ему докладывает, что личный состав полка на плацу в ожидании развода, а тот ему: «Пусть ждет, хоть целый день!».

— Володь, хорош — о грустном. Расскажи про Афганистан.

— В эту субботу собираюсь в Москву. Многие из роты, которой командовал Лебедь, выпуска восемьдесят первого года РВВДКДКУ приедут на его могилу.

Минуту молчим.

— Сразу после выпуска, вернее, после отпуска убыл проходить службу в Афганистан. В 317-й полк командиром взвода на два года.— Он немного оживился.— Первое ранение. Агентура донесла, что в один кишлак ночью «духи» завезли много

мин. Рота окружает кишлак, я со своего БТРа вижу, как за углом ближайшего дувала мелькнула тень. Свесившись с брони, даю длинную очередь, и сразу под задним колесом раздается взрыв — гаденыш, все-таки успел поставить мину — и мне обожгло плечо. Ничего — в медсанбате вытащили осколок, заштопали. Через две недели опять на боевые...

Он начинает сыпать названиями населенных пунктов, датами, количеством трофейного оружия, вплоть до марки этого самого оружия и года и страны его изготовления, именами и фамилиями солдат и офицеров.

— Да, твоей памяти можно только завидовать, но как вы умудрились в пустынях находить душманские караваны.

— Элементарно, Ватсон,— с начала нашего разговора на лице Дарченкова засияла улыбка.— Дорог-то через пустыню было всего две и наши группы каждую ночь, маневрируя от одного колодца к другому, и «прижимали к ногтю духов». Однажды взяли четыре машины с оружием.— Он опять не удержался и начал перечислять трофеи.

— Хватит тебе о них, что дальше-то?

— Основная часть «духов», сам понимаешь, навечно осталась в пустыне, а небольшая группа ускользнула на пятой машине. Кинулись за ними в погоню, но они сами ее взорвали и растворились в песках.

— Не понял: зачем они сами-то взрывали? Могли же уйти?

— Восток — дело тонкое. Они отвечали за все пять машин оружия, а привези они покупателю только одну... Что бы их ждало? А так — нет машин, нет людей: спросить не с кого...

— После Афганистана?

— После — трагедия: Славка Щербаха, который меня заменял, со своими бойцами погиб в вертолете.

— «Стингер»?

— Наверное.

— Красная Звезда, знаю, у тебя за Афганистан, а орден Мужества?

— За Чечню. Это — я уже служил во внутренних войсках: три раза побывал в «горячей точке». Всего — девять месяцев.

— Что-то у тебя с арифметикой туговато?

— Это ты про шесть лет моей службы вначале помощником коменданта, а затем и комендантом одного из районов Грозного?..

— Самое неприятное впечатление?

— Через два года моей комендатурской работы жена категорически заявляет, что поедет вместе со мной. Так и проработала там фельдшером четыре года.

Мы опять минуту молчим.

— Да, не грусти ты,— это он меня подбадривает.— Мы еще нынешней молодежи сто очков вперед дадим.

— А-то...

С ЛЮБИМЫМ — НА КРАЙ ЗЕМЛИ

*Дарченкова Надежда Петровна,
родилась 12.10.1960 в городе Горловке
Донецкой области Украинской ССР.*

Окончив в 1979 году Изюмское медицинское училище, Надежда Верихова стала дважды в год привлекаться военным комиссариатом на призывной пункт для медицинского осмотра будущих защитников Родины. Присмотревшись к молодой медицинской сестре, руководство военкомата предложило ей командировку на два года в

Афганистан, тем более, что в стране проходил так называемый комсомольский набор среди молодого гражданского населения всевозможных специальностей.

— Представить себе не могла, — вспоминает Надежда, — что в Афганистане (1981—1983 годы: *примеч. автора.*) встречу свою вторую половинку, главную и единственную награду за ту войну. Правда, ЦК ВЛКСМ и наградил меня Почетной грамотой, хотя представляли к правительственной награде. Да, Бог с ними.

В Афганистане Надежда работала не по профилю: из медучилища она вышла с дипломом об окончании отделения «Стоматология», а пришлось два года работать в Кабульском инфекционном госпитале в отделении особо опасных инфекций. Гепатит, брюшной тиф, малярия, другие экзотические болезни — ко всем нюансам новой специальности пришлось вникать без раскочки, с первых минут пребывания на новом рабочем месте. А тут вскоре на охрану госпиталя прислали со взводом солдат молодого, высокого, стройного, симпатичного и, вдобавок, веселого, окончившего совсем недавно Рязанское десантное училище, молодого лейтенанта Вовку Дарченкова. То, да се — никаких ППЖ (ППЖ — походно-полевая жена: *примеч. автора.*), и вскоре, 15 октября 1983 года, молодая пара в Советском консульстве в Кабуле получает свидетельство о заключении брака. Слова-то какие нехорошие: «заключение брака». Нельзя, что ли, такое торжественное мероприятие назвать, к примеру: «заключение супружества»? Да, ладно, брака, к великому их счастью, в семье Дарченковых как не было, так нет до сих пор.

Они не только Афганскую войну прошли бок о бок, но и тогда, когда Владимир, вернувшись из Афганистана, перешел служить во Внутренние войска, и был назначен комендантом одного из районов Грозного, Надежда, не раздумывая, поехала к мужу. Поехала не только хранительницей домашнего очага, а пять лет (2004—2009 годы: *примеч. автора*) работала, не покладая рук, фельдшером медицинского пункта комендатуры.

— Это, к примеру, у нас в Туле, — поясняет Надежда, — в военной комендатуре десяток человек личного состава, в Грозном в каждой комендатуре более трехсот человек. А в медицинском пункте всего пять человек: начальник медицинской службы, он же главный врач, фельдшер, фельдшер-аптекарь и два санитарных инструктора в ротах. Так что, практически, вся лечебная работа — от смазывания йодом синяков и выдачи таблеток от головной боли до несложных операций — лежала на мне. Плюс обслуживание администрации и милиции района, плюс оказание помощи местному населению — им не внушали доверия местные эскулапы, да, по правде говоря, и не обладали они должной квалификацией. Работы хватало.

После Грозного Надежда вернулась вместе с мужем в Тулу и наконец-то начала работать по своей специальности — медицинской сестрой в стоматологической поликлинике. И стали они с мужем жить-поживать и добра наживать...

ПАСЫНКИ АФГАНИСТАНА

*Крючков Владимир Петрович,
родился 01.05.1960 в деревне Акзювские Выселки
Плавского района Тульской области;
Крючкова Вера Николаевна,
родилась 23.12.1963 в городе Кемерово.*

Безрассудность?

Безалаберность?

Пофигизм?

Или знаменитый русский «авось»?

Или...

Гадай не гадай, но с восьмью месяцами беременности попасть под ракетно-артиллерийско-минометный обстрел и чуть не погибнуть на аэродроме Баграма перед отлетом в Союз и родить...

Нет, родить через месяц не ожидаемого мальчика — какое в Афганистане во семьдесят восьмого года, понимаешь, УЗИ? — а родить здоровую, крикливую девочку, вернее, дочурку, еще точнее, афганочку — родную кровиночку.

Война — войной, и не только обед по распорядку, но любви и все возрасты, и все времена, и любые обстоятельства покорны.

Вот как-то так.

Кто бы мог подумать, что два сердца — тульское и кемеровское — найдут себя и забьются в унисон в далеком Афганистане, в Баграме...

...Очередной раз, проходя на дежурство на электростанцию мимо военторговского магазина, Владимир краем глаза скользнул по вновь прибывшей продавщице. Повернул голову, их глаза встретились и он, пробывший в Афганистане год с небольшим, застыл соляным столбом.

Судьба? Случай? Фатум?

...И Владимир, и Вера своим родителям — ну, не клятвенно, конечно же, — говорили, что едут работать по контракту (в то время — заветная мечта и гражданских, и военных граждан СССР) в Германию. «Позабыв» сказать, что из десяти кандидаток в Афганистан взяли только ее одну — Веру Корнейчук. У Владимира ситуация сложилась и того круче — более тридцати человек на одно место. Но помогла безупречная биография: личное клеймо мастера-наладчика токарно-револьверных автоматов на Точмаше; срочная служба в погранвойсках на границе с Турцией в Туркестане (уникальная медаль за службу — «За ратный труд в Туркестанском военном округе»); счастай, экспромтом прием в комсомол. И они, сугубо штатские, оба — в Афганистане.

Штатские-то штатские, но, выходя на суточное дежурство на дизельную электростанцию, обеспечивающую электричеством весь гарнизон Баграма, экипировка Владимира (естественно, не его одного, а всех) состояла в том числе и из бронежилета, каски, АК-74 с тремя полными рожками. Хотя — чего греха таить — броник с каской часто «забывали» перед выходом на дежурство. Кроме того, в обязанности электриков входил предвиденный и непредвиденный ремонт переносных дизельных электростанций на заставах в горах, куда они добирались в сопровождении военных, порой вместе отбиваясь от моджахедов.

Работникам военторга тоже доставалось «на орехи». Каждый раз (хотя бы, сволочи, сделали разочек исключение), проезжая через кишлак Аминовка, автолавки военторга подвергались обстрелу — или с дальних подступов, или чуть ли не в упор.

Зато, мчась на машине в сопровождении двух БТРов в Кабул для выполнения супружеско-бюрократических обязанностей под звуки марша Мендельсона — не лаптем щи хлебали даже на войне! — в Советском консульстве, они не слышали ни одного выстрела. Или их не обстреливали, или им было не до выстрелов...

...В сентябре восемьдесят восьмого родилась Алина. В декабре, пробыв в Афганистане три года, хотя и приглашали на должность прапорщика в 345-й парашютно-десантный полк, Владимир встретился в Кемерове и с женой, и с дочерью, и с тещем-тещей.

Затем — переезд в Тулу и, как в сказке, стали они жить-поживать, добра наживать и, в положенное время, воспитывать внучка Ева.

Постскриптум:

Интерпретировав совместные воспоминания супругов Крючковых, попросил Владимира написать самому не только об Афганистане, но и о той несправедливости,

с которой столкнулись все гражданские люди, вернувшись из-за Речки, и какую он титаническую работу взвалил на свои плечи, чтобы вернуть ту самую справедливость, по которой они, гражданские лица, перестали бы быть пасынками той войны.

СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА АФГАНЦЕВ ШМЕЛЕВЫХ

Шмелев Валерий, родился 09.03.1957.

Шмелева Ирина родилась 23.01.1961.

Какой одессит не мечтает стать моряком? Какой одессит не бредит морем с пеленок? И хотя Валерка Шмелев родился не в самой Одессе, а в ее окрестностях, он не избежал участи своих земляков. Поэтому после школы и «по совместительству» трехгодичной работы механизатором широкого профиля в совхозе он с семьдесят шестого по семьдесят девятый бороздит просторы Черного моря, в основном, в подводном положении — на дизельных подводных лодках (не имел и не имеет наш Флот в этом море атомных подлодок, к сожалению). По окончании службы на флоте ему, молодому коммунисту, открываются большие перспективы для дальнейшего карьерного роста, но семейные обстоятельства на полтора года разлучают его с армейской службой. Только в январе восемьдесят первого года он становится прапорщиком в 1065-м гвардейском артиллерийском полку 98-й гвардейской воздушно-десантной Свирской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии — или, в десантном простонародии, Болградской дивизии. Отсюда, из родного Веселого Кута, где он жил с родителями и где дислоцировался артполк, в декабре восемьдесят второго секретарь комсомольской организации дивизиона гвардии старший прапорщик Валерий Иванович Шмелев направляется для дальнейшего прохождения службы (как казенно, занудно звучит эта фраза) в отдельный 345-й гвардейский полк, в Баграм, в Афганистан.

«Комсомольской работой занимайся сколько хочешь, сколько душе угодно,— встретил его командир полка в Баграме,— но только в перерывах между боевыми. А на боевых готовься заменить, подменить любого в артиллерийском дивизионе: на то они — и боевые».

О Шмелеве я ничего не знал, не служил с ним вместе. В нашу Тульскую, 106-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию он, естественно со своей женой, пришел служить в 1997-м году, четыре года спустя после моего увольнения из Армии.

— В основном на боевых я ходил, вернее, ездил в техзамыкании. Еще со школьно-совхозных времен был неравнодушен к любым механизмам. Знал, как свои пять пальцев, любую колесную и гусеничную технику.— Бывший гвардии старший прапорщик в тройке, при галстукке, в модных «шусах» неторопливо начинает рассказывать про свое житье-бытье в Афганистане, в начале нашей беседы обращаясь ко мне на «вы».— Как-то раз, в начале восемьдесят четвертого года, к нам в гости, на чей-то день рождения, пришли медсестры из соседнего медсанбата. Мне сразу приглянулась одна сестричка. Все, естественно, поднимают бокалы (бокалы — громко сказано) за здоровье именинника, а я сижу трезвый, не пью...

— ???

— Недавно переболел гепатитом...

— Понятно.

— Начиная танцевать. И ко мне подходит она, приглянувшаяся мне дивчина...

— Конечно,— опять перебиваю его,— один непьющий среди всех.

— Так оно и было — так я и познакомился со своей будущей женой Ириной.

— И?

— На День ВДВ — 2 августа 84-го в Советском консульстве в Кабуле мы подали заявление, а 13 сентября — распались.

У них в семейном архиве священной реликвией в пластиковой упаковке хранятся их Командировочные удостоверения в Кабул сроком на двое суток с 13 сентября 1984 года для регистрации брака, выписанные ему в штабе 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка, ей — в штабе 100-го медицинского батальона 108-ой мотострелковой дивизии 40-ой общевойсковой армии.

— Да, не знаешь не только, где упадешь, но — и где счастье найдешь.

— В конце восемьдесят четвертого проводилась крупная операция в Ургунском ущелье. Я, как обычно, на БЭТЭРе — в техническом замыкании колонны дивизиона, затем пересаживаюсь на УРАЛ, под завязку загруженный гаубичными снарядами. Через сто метров УРАЛ подрывается на mine — мы трое: я, водитель и еще солдат, сидящий в кабине, отделяемся контузиями. Наверное, наши Ангелы — хранители втроем не допустили детонации снарядов — в противном случае от нас бы практически ничего не осталось: только развеянная по окрестным горам пыль. По рации докладываю командиру, что «двухсотых» нет, «карандаши» (мы, то есть) целы, «огурцы» (то есть, снаряды) перегружаем на другие машины. Контуженных солдат на вертолете отправляю в Баграм, в медсанбат. Сам на своем родном БЭТЭРе догоняю колонну, сказав перед отлетом своим солдатам, чтобы они ничего в медсанбате жене не сообщали о моей контузии.

— Как всегда, солдаты...

— Ты абсолютно прав: солдаты по прилету в Баграмский медсанбат ничего особенного и не сказали, сообщили только, что у меня небольшая контузия. Иринка, естественно, падает в обморок. И вся помощь, вроде бы полагающаяся мне, — Шмелев смеется, — оказывается ей.

— Орден — за эту операцию?

— За эту операцию — медаль «За отвагу», хотя и посылали на Красную Звезду. Но в верхах решили, что комсомольскому секретарю давать сразу орден как-то не с руки.

— И орден?

— Орденом Красной Звезды меня наградили за операцию в окрестностях кишлака Пачахак. Наша колонна попала в засаду. «Духи» стреляли со всех сторон. По рации вместе с замполитом работали наводчиками, корректируя огонь нашей артиллерии. Еле успели отвести колонну техники — вызывали огонь практически на себя. К счастью, потерь у нас во время этой операции не было, а «супостату» досталось крепко.

— Подожди, а медаль «За боевые заслуги»?

— Это — после Афганистана. В марте 85-го, через два года и три месяца, я вновь оказался в родной Болградской дивизии. Жена еще надо мной подшучивала, что у нее, мол, имеется медаль «ЗБЗ», а у меня — нет (ей медаль вначале пришла в Житомир, по месту ее рождения, затем медаль переслали в военкомат Арциза, районного центра под Кишиневом, где она работала в больнице медсестрой. В ее Наградном листе, в частности, имеются и такие строки «... Во время Панджшерской операции в апреле-июне 1984 года работала по 20 и более часов в сутки, не щадя своего здоровья, ради спасения жизни раненых... Выходила и возвращала к жизни более 300 раненых...»). Чуть отвлекся.

— Ничего, нормально.

— Так, вот: в восемьдесят девятом мы (да, ты и сам, наверное, тоже в это время со своей Тульской дивизией не сидел на зимних квартирах) «работали пожарниками» — «тушили» конфликт в Армении, когда разрасталась война в Карабахе. Мне со

своим зенитно-ракетным взводом (тогда занимал должность командира этого взвода) пришлось брать школу ДОСААФ в Ереване, на крыше которой засели мятежники, держа под огнем всю округу.

— Сумгаит,— перечисляю ему «свои пожароопасные точки»,— три раза Баку, Тбилиси.

— Значит не понаслышке знаешь, как все тогда происходило... Принимаю решение. По пожарной лестнице поднимаемся на соседнее, более высокое здание. И с крыши этого дома даю очередь из двенадцати патронов, заметь, над головами той шпаны на крыше ДОСААФа. Сразу же — руки «в гору», все оружие — на крышу, мокрые штаны, соплю до колен. Трое моих держат их на прицеле, я с двумя солдатами поднимаюсь к ним, остальные — оцепляют все здание ДОСААФа. Но из списка награжденных меня исключил замполит полка, говоря при этом:

«У него и так награда за Афганистан много».

«Он один со своим взводом захватил трофейного оружия больше, чем весь остальной полк»,— и командир полка поставил точку в споре о моем награждении.

— Хватит о войне,— в очередной раз перебиваю Шмелева,— у тебя же в сентябре «серебряная» свадьба...

— О моем знакомстве и свадьбе с Ириной в декабре девяносто девятого года Екатерина Гарбузова напечатала большую статью в газете «Молодой Коммунар», которая называлась: «Я на свидание ходил с двумя гранатами».

— Опять война,— ворчу недовольно.

— Никуда от нее не денешься,— Ирина Шмелева протяжно вздыхает,— та война и соединила нас.

— Кому — война, кому — мать родная,— неудачно шучу и тут же извиняюсь за бестактную неуместность.

— Да, чего там,— продолжает Ирина.— От тех контуженных солдат, которых Валерка отправил к нам в медсанбат на «вертушке», а сам остался на боевых, от их бессвязного лепета я почему-то подумала о самом страшном. И самой сестре-анестезистке пришлось срочно оказывать реанимационную помощь — приводить в чувство, в рабочее состояние. И — сразу к операционному столу: раненым-то нет никакого дела о твоих личных проблемах. Все правильно, так и должно быть — каждый делает свое дело.

— И напоследок,— ненавязчиво обращаюсь к супругам-афганцам Шмелевым.

Они оба сразу же понимают намек и в два голоса в унисон заканчивают нашу беседу:

— Конечно, в сентябре вместе с нашей дочерью Юлей ждем тебя на нашу «серебряную».

— Честь имею!